

ЖУРНАЛ
НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

№ 3 (31)

Проблемы
экономической теории

Исследование
российской экономики

Вопросы
экономической политики

Горячая тема.
Неравенство и экономический рост

2016

Москва

JOURNAL
OF THE NEW ECONOMIC
ASSOCIATION

3(31)

Problems
of Economic Theory

Studies of the
Russian Economy

Issues of Economic Policy

Hot Topic.
Inequality and Economic Growth

2016

Moscow

Содержание

Проблемы экономической теории

- 12** **О.В. Луговой**
А.В. Полбин
О распределении бремени сокращения выбросов парниковых газов между поколениями
- 40** **Б.В. Таганов**
Г.И. Идрисов
Инвестиционные эффекты ПТС: качество соглашений имеет значение

Исследование российской экономики

- 67** **Е.С. Вакуленко**
Е.Т. Гурвич
Гибкость реальной заработной платы в России: сравнительный анализ

- 93** **М.Ю. Турунцева**
В.Е. Зямалов
Фондовые рынки в условиях смены условий торговли

Вопросы экономической политики

- 111** **И.В. Абанкина**
В.А. Винарик
Л.М. Филатова
Государственная политика финансирования сектора высшего образования в условиях бюджетных ограничений

Горячая тема
Круглый стол:
Неравенство
и экономический рост

- 146 К.С. Джомо**
В.В. Попов
Долгосрочные тенденции
в распределении доходов
- 160 Л.М. Григорьев**
Социальное неравенство
в мире – интерпретация
неочевидных тенденций
- 170 Л.Н. Овчарова**
Д.О. Попова
А.М. Рудберг
Декомпозиция факторов
неравенства доходов
в современной России
- 186 В.Е. Гимпельсон**
Отраслевые сдвиги
и межотраслевое неравенство

Объявление

- 198** XVIII Апрельская
международная научная
конференция по проблемам
развития экономики и общества
11–14 апреля 2017 г., Москва
- 200** Второй всемирный конгресс
сравнительных экономических
исследований
«1917–2017: Революция
и эволюция в экономическом
развитии» 15–17 июня 2017,
Санкт-Петербург, Россия

Contents

Problems of Economic Theory

- 39 O.V. Lugovoy**
A.V. Polbin
On Intergenerational Distribution
of the Burden of Greenhouse Gas
Emissions
- 65 B.V. Taganov**
G.I. Idrisov
Investment Effects of Preferential
Trade Agreements: Quality Matters

Studies of the Russian Economy

- 92 E.S. Vakulenko**
E.T. Gurvich
Real Wage Flexibility in Russia:
Comparative Analysis

- 109 M.Yu. Turuntseva**
V.Ye. Zyamalov
Stock Markets under the Changing
Terms of Trade

Issues of Economic Policy

- 143 I.V. Abankina**
L.M. Filatova
V.A. Vynaryk
State Policy of Higher Education
Sector Financing under the
Budgetary Constraints

Hot Topic

Round Table:

Inequality and Economic Growth

- 159 K.S. Jomo**
V.V. Popov
Long-Term Trends in Income
Distribution
- 170 L.M. Grigoryev**
Social Inequality in the World –
the Interpretation
of Not-Evident Tendencies
- 186 L.N. Ovcharova**
D.O. Popova
A.M. Rudberg
Decomposition of Income
Inequality in Contemporary Russia
- 197 V.Ye. Gimpelson**
Structural Change
and Inter-Industry Wage
Differentiation

Advertisement

- 198** XVIII April International Academic
Conference on Economic and Social
Development
April 11–14, 2017, Moscow
- 200** Second World Congress of
Comparative Economics
“1917–2017: Revolution
and Evolution in Economic
Development”
June 15–17, 2017, St. Petersburg,
Russian Federation

К.С. Джомо

Институт стратегических и международных исследований, Куала-Лумпур, Малайзия

В.В. Попов

ЦЭМИ РАН, Москва

Долгосрочные тенденции в распределении доходов

Аннотация. В последние три десятилетия наблюдается рост неравенства доходов во многих странах – в западных, бывших социалистических и во многих развивающихся. До начала XX в. неравенство в распределении доходов возрастало, но после Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. в России неравенство стало снижаться – рост мирового социализма заставил многие капиталистические страны провести социальные реформы, способствовавшие более равномерному распределению доходов и формированию «капитализма с человеческим лицом». Однако с начала 1980-х годов неравенство вновь растет в большинстве стран (за немногочисленными исключениями, к которым относятся некоторые страны Латинской Америки), видимо, из-за ослабления сдержек и противовесов, роль которых раньше играли социалистические страны. В статье обсуждаются факторы, определяющие долгосрочные тенденции изменения неравенства, и прогнозы на будущее. Высокое неравенство сопряжено с отрицательными последствиями, которые делают общества и страны слабо конкурентоспособными, особенно на высоких стадиях развития. Неравенство не может расти неограниченно, и, видимо, есть критический уровень неравенства, при превышении которого национальные государства погружаются в пучину социальных конфликтов и распадаются. Если рост неравенства внутри стран не удастся предотвратить, сначала страны могут попасть в ловушку с плохим (устойчивым) равновесием, которое воспроизводит себя: плохое качество государственных институтов, низкий рост, низкая социальная мобильность и высокая социальная напряженность. Выход из этой ловушки возможен путем постепенных реформ, но если реформы откладываются, дальнейший рост неравенства может закончиться социальной революцией.

Ключевые слова: *неравенство в распределении доходов и богатства, коммунизм, капитализм, государство всеобщего благосостояния, доля труда и капитала в национальном доходе.*

Классификация JEL: F02, F63, I30, J31, N00.

В последние три десятилетия наблюдается рост неравенства в распределении доходов как в западных странах (с начала 1980-х годов), так и в бывших социалистических странах, вставших на путь рыночных реформ (с середины 1980-х годов – в Китае и Вьетнаме, с начала 1990-х годов – в Восточной Европе, бывших советских республиках и Монголии). И хотя в крупных странах Латинской Америки и в некоторых странах Восточной Азии (Малайзия, Таиланд, Филиппины, Южная Корея) в этот период произошло сокращение неравенства, в целом в мире неравенство внутри стран возрастает после его длительного периода снижения после Первой мировой войны.

Насколько долгосрочной является нынешняя тенденция? Как она соотносится с предшествующей динамикой неравенства? Существует ли оптимальный уровень неравенства или же оптимальный диапазон, в котором неравенство в распределении доходов и накопленного богатства может меняться, не вызывая чрезмерной социальной напряженно-

сти, с одной стороны, и подавления стимулов роста, – с другой? Наконец, какой будет динамика неравенства на совершенном рынке, если государство никак не вмешивается ни в производство, ни в формирование и распределение доходов? И что считать нежелательными тенденциями изменения неравенства, пороговыми значениями, при достижении которых государство обязательно должно вмешиваться? Мы далеки от мысли ответить на все поставленные вопросы. Задача настоящей статьи – попытаться обсудить последние тенденции изменения неравенства в исторической ретроспективе и предложить возможные объяснения.

Факты

Скудные данные, которые имеются для периода до XX в., свидетельствуют о том, что неравенство в распределении доходов постоянно возрастало до Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г. в России (табл. 1, рис. 1–2).

Только во времена «короткого XX века»¹ тенденция роста неравенства доходов

¹ Эрик Хобсбаум, британский марксист, ввел этот термин в оборот для обозначения периода 1914–1991 гг., начавшегося с Первой мировой войны и завершившегося распадом СССР и крахом мирового социализма.

и имущественного неравенства была временно прервана, видимо, благодаря влиянию социалистических стран, где неравенство было относительно небольшим (коэффициент Джини составлял всего 20–30%). Пример этих

стран играл роль сдержек и противовесов для западных стран, заставляя их принимать меры, ограничивающие рост неравенства, от введения прогрессивного налогообложения до расширения социальных программ.

Таблица 1

Оценки коэффициента Джини распределения доходов в некоторых европейских странах, %

Страна	Год							
	14	1000	1290	1550	1700	1750	1800	2000
Рим	39							
Византия		41						
Голландия				56		63	57	30,9
Англия			36,7		55,6	52,2	59,3	37,4
Кастилья-ла-Вьеха/ Испания						52,5		34,7
Неаполитанское королевство / Италия							28,1	35,9
Франция							55	33

Источники: Milanovic, Lindert, Williamson, 2007; данные за 2000 г. взяты из базы данных World Development Indicators.

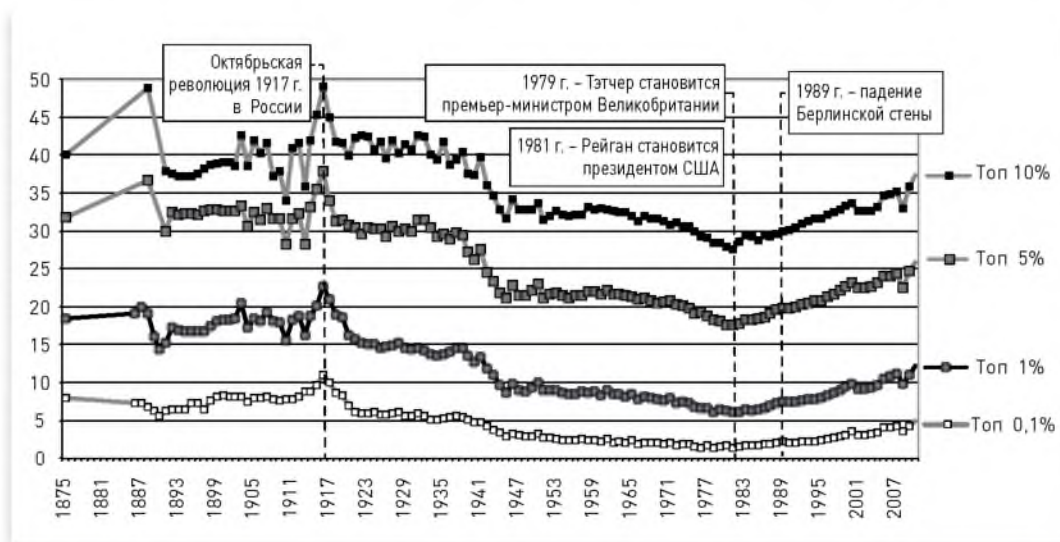

Рис. 1

Доля в совокупных доходах наиболее состоятельных групп населения – топ 10, 5, 1 и 0,1%, невзвешенная средняя для 18 западных стран

Источник: Facundo et al., 2012.

Примечание. 18 стран: Австралия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Канада, Испания, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, США, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция, Япония. Данные взяты не из представительных обследований домохозяйств (которые обычно применяются для оценок распределения доходов), а из налоговых деклараций о доходах до уплаты налогов. Для нескольких последних десятилетий, для которых имеются и те, и другие оценки, тенденции изменения показателей неравенства, рассчитанных разными способами, в значительной степени совпадают.

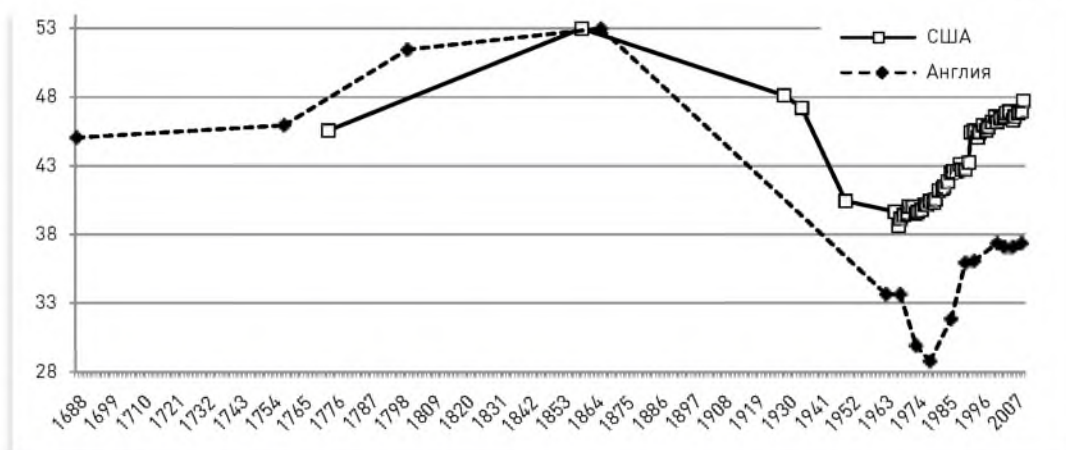

Рис. 2

Коэффициент Джини распределения доходов в Англии и США в XVII–XX вв.

Примечание. Коэффициенты Джини рассчитаны Б. Милановичем на основе социальных таблиц до XX в. и на основе налоговых деклараций и опросов домохозяйств в последующий период². Сопоставимые данные за 1867–1929 гг. отсутствуют.

Источники: Milanovic, 2011; Milanovic, Lindert, Williamson, 2007.

В США в конце XVIII в., сразу после Войны за независимость, неравенство в распределении доходов и богатства было, видимо, меньше, чем в Европе, из-за отсутствия в Новом свете олигархов, сумевших накопить крупные состояния, и относительно легкого доступа к «свободным» землям. В конце XVIII в. на 10% владельцев крупнейшей состояний в США приходилось 45% всего богатства, тогда как в Шотландии – 64%, в Финляндии, Норвегии, Швеции и Дании – 46–80% (Soltow, 1989). Но в XIX и в начале XX в. неравенство резко возросло, достигнув пика между двумя мировыми войнами. Некоторые работы (Soltow, 1989) фиксируют небольшое снижение доходного неравенства в 1798–1860 гг. и незначительный рост неравенства в распределении богатства в тот же период. Однако динамика отношения стоимости крупнейших состояний того времени к стоимости имущества среднего домохозяйства свидетельствует о быстром росте имущественного неравенства (рис. 3) (Phillips, 2002). Это отношение увеличилось с 1000 в 1790 г. (состояние Элиаса Дерби оценивалось в 1 млн долл.) до 1 250 000 в 1912 г. (состояние Джона Д. Рокфеллера в 1 млрд долл.), сократилось до 60 000 в 1982 г. (у Дэниела Людвиг было «всего» 2 млрд долл. в ценах того времени), но затем снова возросло до 1 416 000 в 1999 г. (85 млрд долл. – у Билла Гейтса).

Сравнение доходов (а не состояний) самых богатых людей мира разных эпох по отношению к среднему доходу соответствующих стран и периодов дает другие цифры, но ведет к схожим выводам – Билл Гейтс относительно богаче Карнеги и Красса (но не богаче Рокфеллера), а Михаил Ходорковский (до ареста) и Карлос Слим были намного богаче всех остальных (рис. 4). Многие страны, таким образом, либо уже достигли самого высокого неравенства за всю историю, либо быстро двигаются в этом направлении.

В развитых странах доходное и имущественное неравенство из-за бурного роста в последние 30 лет уже приближается или даже превышает пиковые значения XIX – начала XX в. (рис. 2, 5). В США, например, доля 10% самых богатых семей в совокупных доходах составляла 40–45% в 1920–1930-е годы, упала до 30–35% в 1940–1960-е годы, но с начала 1970-х стала возрастать и с 2010 г. превышает 45%.

Развивающиеся страны по уровню неравенства доходов сегодня можно разделить на две группы (рис. 6) – Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия, где коэффициент Джини составляет, как правило, 40–60%, с одной стороны, и страны Восточной и Южной Азии и Ближнего и Среднего Востока, где коэффициент Джини обычно находится на уровне ниже 40%, – с другой.

² Личная переписка авторов с Б. Милановичем.

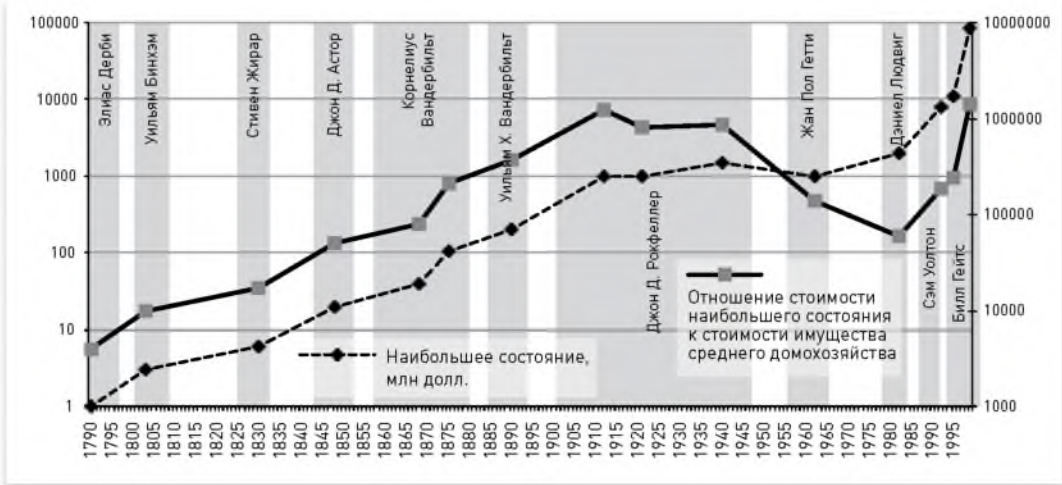

Рис. 3

Крупнейшие состояния в США в 1790–2000 гг. (млн долл., левая шкала); отношения к стоимости имущества среднего домохозяйства (правая логарифмическая шкала)

Источник: Phillips, 2002.

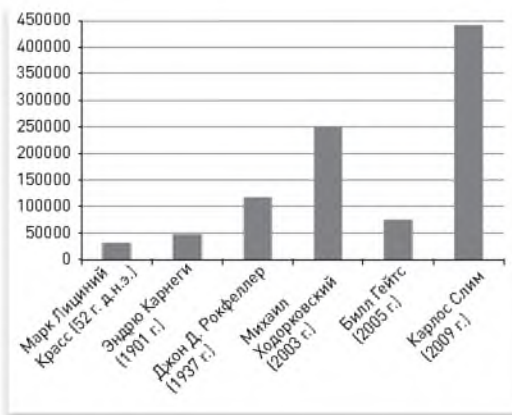

Рис. 4

Отношение доходов самых богатых людей мира разных эпох к среднему подушевому доходу в данной стране в соответствующем году

Источник: Milanovic, 2011.

Сравнение коэффициента Джини по странам, конечно, довольно условно, так как размер страны влияет на уровень неравенства: чем больше территория, население и ВВП, тем больше неравенство. В ЕС в 2005 г. (27 стран) коэффициент Джини составлял порядка 40%, причем 23 п.п. приходилось на неравенство между странами. Также и в Китае: коэффициент Джини для всей страны – более 40%, из которых 24 п.п. приходилось на неравенство между 29 провинциями (три провинции – Гуандун, Шаньдун, Хэнань – с населением более

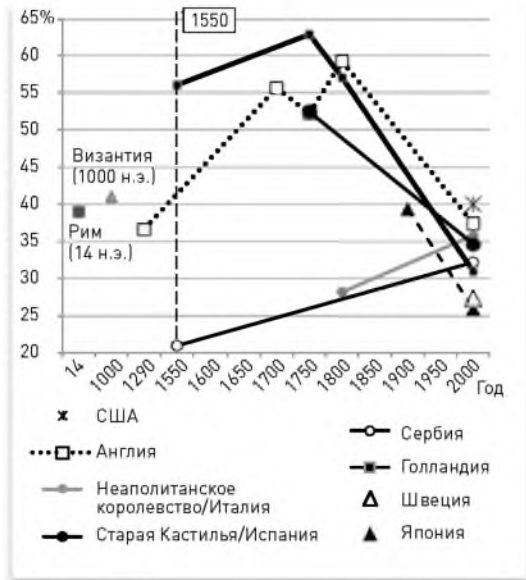

Рис. 5

Коэффициент Джини распределения доходов в развитых странах, %

Источник: Milanovic, Lindert, Williamson, 2007.

90 млн человек, семь провинций – с населением более 50 млн человек). В США между тем уровень неравенства для всей страны был примерно таким же (коэффициент Джини более 40%), но только 6 п.п. приходилось на неравенство между штатами (Milanovic, 2012 b).

В первой группе стран рост коэффициента Джини, как и на Западе в период перво-

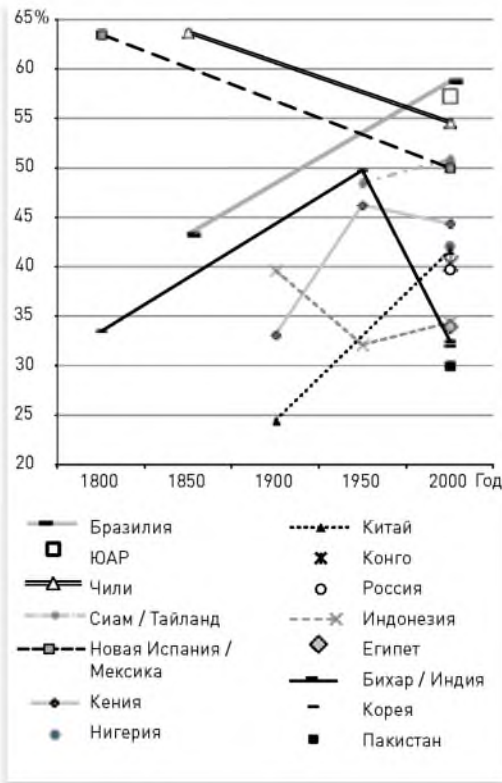

Рис. 6.

Коэффициент Джини распределения доходов в развивающихся странах в 1800–2000 гг., %

Источник: Milanovic, Lindert, Williamson, 2007.

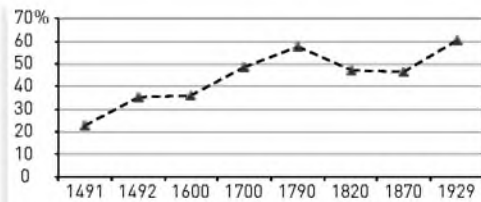

Рис. 7

Реконструированный коэффициент Джини (неравенства в распределении доходов) в Латинской Америке в 1491–1929 гг., %

Источник: Williamson, 2009.

начального накопления капитала, был связан с разрушением традиционных институтов. По имеющимся оценкам (регрессии, связывающие коэффициент Джини с подушевым ВВП,

плотностью населения, урбанизацией и колониальным статусом), колониализм повысил коэффициент Джини на 13 п.п. (Williamson, 2009). В странах Латинской Америки реконструированный на основе этих регрессий коэффициент Джини вырос с 22,5 % в 1491 г. до более 60% в 1929 г. (рис. 7). Напротив, Индия, Китай, Япония в XVIII–XIX вв. имели относительно низкое неравенство в доходах (см. рис. 6) (Pomerantz, 2000; Saito, 2009)³. В целом в странах Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Южной Азии неравенство, особенно до 1990-х годов, было существенно ниже.

В последние 10–20 лет в некоторых развивающихся странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии (Малайзия, Таиланд, Филиппины) коэффициент Джини распределения доходов заметно снизился (Cognia, Martogano, 2012), но в большинстве стран он все же продолжает расти.

Из-за роста неравенства внутри стран общее неравенство в мире (состоящее из внутристранового и межстранового) не снижается, хотя с середины прошлого века неравенство между странами, похоже, сокращается из-за быстрого роста доходов в некоторых развивающихся странах, в основном восточноазиатских. Глобальный коэффициент Джини неравенства в распределении доходов (рассматривая весь мир как одну страну) с конца 1980-х годов колеблется вокруг отметки 70% (Milanovic, 2009; 2012a), причем на межстрановое неравенство приходится свыше половины глобального. В самые последние годы глобальное неравенство на самом верху в мире, возможно, даже выросло: в 2015 г. состояние половины беднейших жителей планеты было равно совокупному состоянию всего 62 самых богатых людей, тогда как в 2014 г. это число составляло 80, а в 2010 г. – 388 (Oxfam, 2016).

Почему растет неравенство

Традиционная неоклассическая экономическая мудрость состоит в том, что совершенный рынок сам по себе (без всякого государственного регулирования) способен обеспечить оптимальное распределение доходов: все экономические агенты – владельцы труда, капитала, земли, интеллектуальной собственности и т.п. – вознаграждаются в соответствии со своей предельной производительностью, что, в свою очередь, обеспечивает экономическую эффективность и социальную гармонию. Только такие несовершенства рынка, как ограничения в получении кредитов или неравный

³ В Японии коэффициент Джини повысился с 34% в 1860 г., накануне революции Мейдзи, до 56% в 1940 г., а затем снизился до 30–40% в 1960–1990 гг. (Saito, 2009).

доступ к образованию, могут вести к неоправданному различиям в доходах, а на совершенном рынке любая дифференциация в доходах является оправданной.

К сожалению, такое представление о рынках, видимо, излишне оптимистично. Действительно, неравные возможности людей и стран являются важной причиной неравенства в распределении доходов. Бранко Миланович, бывший экономист Всемирного банка и признанный авторитет в исследовании распределения доходов, вычислил, что в 2008 г. от 70 до 85% всех доходных различий в мире определялись всего лишь двумя базовыми факторами из разряда неравных возможностей – страна проживания и доход родителей (Milanovic, 2008). Ситуация усугубляется еще и тем, что в обществах с неравным распределением доходов шансы вырваться из бедности в принципе ограничены. В 2012 г. М. Корак проследил зависимость между неравенством доходов (коэффициентом Джини) и социальной мобильностью (корреляцией между доходами детей и родителей). Получился график, ставший известным как кривая Великого Гэтсби: этот график показывает, что в странах с высоким неравенством доходы детей теснее связаны с доходами родителей, чем в более эгалитарных. Другими словами, в странах с высоким неравенством перейти из одной доходной группы в другую сложнее, социальный лифт не работает, и неравенство постоянно воспроизводится.

Самый совершенный рынок не гарантирует стабильного и справедливого распределения доходов, даже если существует полное равенство исходных возможностей. Больше того, предоставленный сам себе рынок может вести к постоянному росту неравенства доходов, поэтому требуются специальные государственные меры, чтобы просто преодолеть тенденцию нарастающей дифференциации доходов. Если это так, то нужна специальная политика, направленная не только на выравнивание возможностей, но и на сдерживание роста неравенства доходов, даже если оно и не вызвано различиями в исходных условиях и возможностях.

Даже если удастся обеспечить полное равенство возможностей для всех людей –

равное здоровье, наследство и образование, – доходы все равно не будут равными. Отчасти различия в доходах будут обусловлены разными стараниями и усилиями, а отчасти – факторами, которые находятся вне контроля конкретных лиц. Хороший пример – абсолютно идентичные (монозиготные) близнецы, которые имеют одинаковые гены, воспитывались в одной семье, одинаково питались, ходили в одну и ту же школу, но редко имеют одинаковые доходы и редко умирают в одном и том же возрасте от одних и тех же причин. Генетики сегодня считают, что поведение генов меняется в течение жизни под воздействием многих факторов – диеты, заболеваний, химических соединений в окружающей среде, курения, алкоголя, лекарств и лечения. Другими словами, даже если возможности изначально одинаковые, результат отнюдь не предопределен. «Рынки сами по себе, даже когда являются стабильными, часто приводят к высокому уровню неравенства и результатам, которые повсеместно расцениваются как несправедливые» (Stiglitz, 2012, p. 9).

В понятие «справедливый» в разные эпохи и в разных странах, конечно, вкладывался неодинаковый смысл. Во многих производственных кооперативах в западных и развивающихся странах существует формальное правило – самая высокая заработная плата не должна превышать минимальную более чем в 10 раз. В социалистических странах такое неформальное правило фактически действовало в масштабах страны (за немногочисленными исключениями – авторские гонорары писателей, актеров, музыкантов и проч.). Однако есть и национальные различия: вознаграждение топ-менеджеров крупнейших компаний, как частных, так и государственных, составляет, например, в США несколько десятков миллионов долларов в год, чуть меньше – в России и значительно меньше в Европе и Китае⁴.

Так или иначе, тенденция к повышению неравенства на нерегулируемом рынке раньше или позже должна привести к росту неравенства сверх уровня, признаваемого критическим (допустимым, оптимальным), каким бы этот уровень ни был, что чревато ростом социальной напряженности и, воз-

⁴ Десять самых высокооплачиваемых американских топ-менеджеров получили в 2014 г. от 47 млн до 156 млн долл. (<http://www.aflcio.org/Corporate-Watch/Paywatch-2014/100-Highest-Paid-CEOs>). В России самый высокооплачиваемый управленец – Андрей Костин, президент ВТБ, заработал 37 млн долл. в 2013 г., Алексей Миллер – 25 млн (Moscow Times, 2014, Nov. 21). В континентальной Европе вознаграждения менеджеров оказались на порядок меньше, в Китае – на два порядка (http://www.china.org.cn/top10/2012-07/10/content_25855492.htm). Отношение оплаты труда высших менеджеров к средней по компании составляло в США от 400 до 500, в Великобритании – 22, во Франции – 15, в Германии – 12 раз (<http://work.chron.com/ceo-compensation-vs-world-15509.html>). Во Франции и Германии действуют законодательные ограничения на максимальную оплату топ-менеджеров.

можно (если не принять меры), социальными конфликтами.

Равновесие на рынке устанавливается только через неравновесие, путем постоянных отклонений от равновесия. Такие отклонения – правило, а не исключения, и возникают в результате постоянных шоков спроса и предложения. При таких отклонениях от равновесных цен производители либо получают шальные прибыли, либо не могут покрыть издержки. Так, например, на волне патриотизма в США после теракта 11 сентября 2011 г. резко возрос спрос и цены на американские флаги, их производители получали сверхвысокие прибыли, а покупатели вынуждены были платить цену, многократно превышавшую издержки. Вряд ли даже неоклассические экономисты сочли такие доходы производителей справедливыми, не говоря уже о медианном избирателе.

Или другой пример: представьте общество равных товаропроизводителей, не применяющих наемный труд и получающих абсолютно одинаковые доходы. Совершенно очевидно, что с течением времени произойдет дифференциация – одни разорятся, будут вынуждены продать свои предприятия другим, более удачливым предпринимателям, и пойти к ним в качестве наемных рабочих. Это и происходит в массовом масштабе в аграрных странах при расслоении крестьянства.

Продолжим пример: представьте конкурирующие фирмы одинакового размера с одинаковым числом занятых и одинаковым доходом. Только в результате экономии от масштаба, не говоря уже о других факторах, на совершенном рынке неизбежно будет происходить концентрация капитала, разорение мелких фирм, поглощение одних компаний другими, сосредоточение производства в более крупных компаниях. Тенденция совершенного рынка такова, что одна суперкомпания будет контролировать производство всего мира, а один индивидуум будет контролировать эту компанию. Если тенденция не доходит до своего логического завершения, то именно благодаря несовершенствам рынка (национальные и региональные барьеры), антitrustовским законам, прогрессивному налогообложению, социальным программам

и другим государственным мерам, создающим противовесы тенденции концентрации богатства и доходов⁵.

В прошлом тенденции изменения неравенства формировались под противоречивым воздействием рынка, толкавшего неравенство вверх, и государства, временами пытавшегося ограничить неравенство для смягчения социальной напряженности. Статистические исследования свидетельствуют, что в краткосрочном плане улучшение условий торговли, переводы мигрантов, занижение валютного курса, контроль над международным движением капитала, большее регулирование финансовой системы внутри страны, прямые налоги – все это способствует снижению доходного неравенства (Cornia, Martorano, 2012).

Однако если говорить о вековых тенденциях, консенсуса среди экономистов не наблюдается. С. Кузнец (Kuznets, 1955) предполагал, что по мере развития неравенство меняется по перевернутой параболе – сначала возрастает на стадии индустриализации, когда разрыв в доходах между городом и деревней увеличивается, а затем снижается по мере развертывания социальных программ и становления государства благосостояния. Однако убедительных эмпирических подтверждений этой гипотезе пока нет.

В широко обсуждаемой книге (Piketty, 2014) утверждается, что усиление неравенства – постоянная тенденция, так как норма прибыли выше темпов экономического роста. Согласно Т. Пикетти растущее отношение богатства (капитала) к доходу и рост нормы прибыли ведут к повышению доли капитала в национальном доходе и «наследственному капитализму» (patrimonial capitalism). Он рассматривает сокращение неравенства в XX в. как временную тенденцию, связанную с разрушением капитала в двух мировых войнах и другими причинами. Критики, однако, отмечают, что неясно, почему постоянное увеличение отношения капитала к труду не должно вызвать снижения доходности на капитал (нормы прибыли), которое уравнивает эффект роста капитала (Milanovic, 2014); указывается, что такое предположение требует нереально высокой эластичности замещения труда капиталом (Blume, Durlauf, 2015).

⁵ В теории отраслевых рынков традиционно сопоставляются выгоды от укрупнения и концентрации производства (экономия от масштаба, в частности, возможность отнести затраты на НИОКР на больший объем продукции) и издержки от монополизации рынков. Споры идут о том, оправданы ли потери от монополизации такими выгодами сосредоточения производства на крупных предприятиях, как большие инновации и более высокая производительность (Dobré, 2011). В США, Великобритании и в мировой экономике концентрация (доля крупнейших фирм в выпуске и прибылях) в XX в. значительно возросла (Curry, George, 1983; Foster, McChesney, Jonna, 2011).

Альтернативное объяснение долгосрочных тенденций изменения неравенства состоит в том, что Октябрьская революция 1917 г., возникновение СССР и других социалистических стран, усиление массовых антиимпериалистических движений привели к становлению государства всеобщего благоденствия и другим переменам, которые К. Поланьи назвал «Великой трансформацией». П. Турчин (Turchin, 2013) связывает снижение неравенства после 1917 г. в США с усилением рабочего движения и с «соблазном большевизма». Пример социалистических стран с сильными социальными гарантиями и свободным доступом к образованию и здравоохранению немало способствовал сокращению неравенства в западных странах (коэффициент Джини в социалистических странах оценивался всего в 20–30%). Однако с середины 1960-х годов Советский Союз и восточноевропейские страны стали утрачивать социальный динамизм – темпы экономического роста стали снижаться, приостановился рост продолжительности жизни, начался рост преступности, коррупции и алкоголизма, так что социалистическая альтернатива стала постепенно терять свою притягательность (Попов, 2007).

Распределение национального дохода между трудом и капиталом

Во многом тенденции в изменении неравенства связаны с динамикой доли труда и капитала в национальном доходе. В промышленно развитых странах большинство получателей дохода – наемные рабочие, так что контракты по найму, определяющие уровень заработной платы, имеют ключевое значение для уровня и изменения неравенства в распределении доходов. При высокой безработице рабочие склонны соглашаться на низкую заработную плату, но при низкой безработице и сильных профсоюзах больше шансов роста заработной платы по мере роста производительности труда. Например, в течение нескольких десятилетий в Китае реальная заработная плата отставала от роста производительности из-за притока в города все новых сельских мигрантов. Однако в последние годы, наоборот, из-за все более острой нехватки рабочей силы реальная заработная плата растет быстрее. А при укреплении социальных гарантий и расширении социальных благ (образование, здравоохранение, жилье) социальная заработная плата может расти даже быстрее реальной денежной заработной платы.

Как показано в (Jaumotte, Vuitron, 2015), снижение роли профсоюзов, ослабление регулирования минимальной заработной платы,

финансовая либерализация и низкие ставки налогов на высокие доходы ведут к росту неравенства доходов.

В краткосрочном плане, в ходе экономического цикла, доля зарплаты в национальном доходе несколько запаздывает в сравнении с динамикой безработицы: она достигает максимума во время кризиса, когда безработица наивысшая, и падает во время подъема, когда безработица снижается. В долгосрочном плане в США и других западных странах периодом высокой заработной платы и низкой безработицы был послевоенный золотой век – 1945–1970 гг., тогда как 1930-е и 1970–1980-е годы были периодами относительно плохой конъюнктуры. Самые низкие точки длинных кондратьевских циклов – длинных волн экономической конъюнктуры – пришлось на длинную депрессию 1873–1879 гг., на Великую депрессию в США в 1929–1933 гг. и на кризисы 1973–1975 гг. и 1979–1982 гг. Если длинные волны, действительно, существуют и имеют продолжительность 50–60 лет, то следующая низшая точка должна прийти на 2020–2030-е годы.

Кризис 2008–2009 гг., хоть и называют Великой рецессией, никак не может сравниться с Великой депрессией 1930-х годов в США (Eichengreen, O'Rourke, 2009), хотя и сравним с кризисами 1970–1980-х годов. Производство в США в 2009 г. снизилось на 3,2% против 30% в 1929–1933 гг.; это снижение темпов не слишком отличалось от годовых снижений (1–2%) в кризисные 1973–1975 и 1979–1982 гг. (рис. 8). Курсы акций в США в 2007–2009 гг. упали примерно на 50% – как и в 1972–1974 гг. и 2000–2002 гг. Уровень безработицы в 2009 г. вырос до 9,6%, что тоже не беспрецедентно – в 1982 г. он составлял 9,7%, а в 1934 г. – более 20%.

Однако период с начала 1980-х годов в развитых странах уникален в том отношении, что характеризуется одновременно стагнацией реальной заработной платы и ростом доли прибыли в национальном доходе, с одной стороны, и увеличением доходного неравенства – с другой (рис. 9).

Обычно периоды высокой доли прибыли в доходе – «золотой век» 1945–1970 гг. – сопровождалось ускорением роста, снижением безработицы, быстрым повышением реальной заработной платы, высокими налогами, разрыванием социальных программ и падением доходного неравенства. Но с начала 1980-х годов рост прибыльности не ведет к повышению уровня жизни основных масс трудящихся и снижению неравенства. Реальная заработная плата в США в 2012 г. оста-

валясь ниже пикового уровня 1972 г., несмотря на рост производительности, а доля доходов 10% самых состоятельных налогоплательщиков в общих доходах в 2010–2013 гг. превысила исторический максимум в 46% (рис. 9).

После двух нефтяных шоков (1973 и 1979 г.) западные страны вступили в полосу стагфляции – высокой (двузначной) инфляции

и замедленного экономического роста. Это неожиданное сочетание высокой инфляции и слабых темпов роста означало кризис кейнсианской экономической политики, которая основывалась на предпосылке, что правительство способно повысить темпы роста с помощью финансовой и монетарной экспансии ценой некоторого усиления инфляции. На

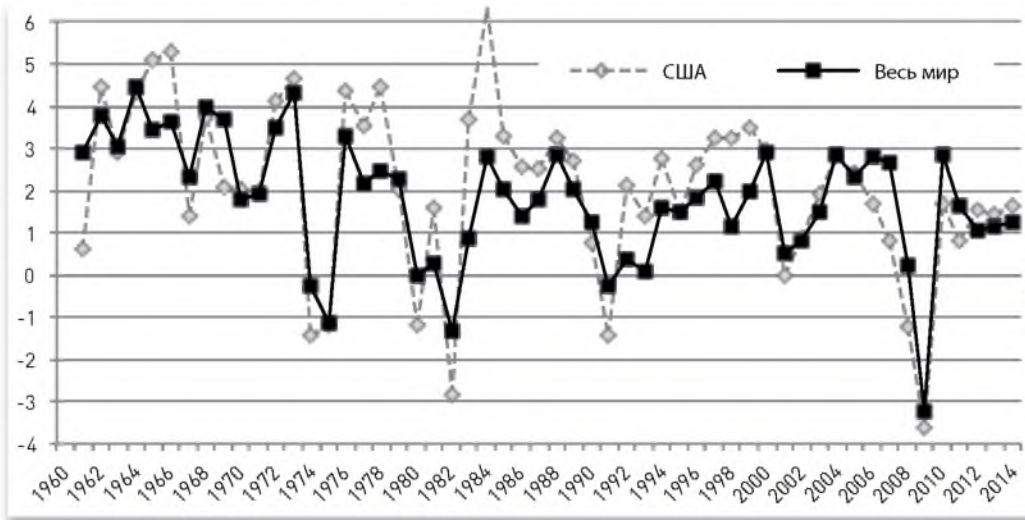

Рис. 8

Темпы прироста ВВП на душу населения в США и в мире в 1960–2014 гг., %

Источник: World Development Indicators database, World Bank.

Рис. 9

Доля прибыли в чистом доходе корпоративного сектора (левая шкала) и доля топ-10% наиболее состоятельных домохозяйств в личных доходах (правая шкала), %

Источники: NIPA tables; BEA (http://www.bea.gov/iTable/index_nipa.cfm); Facundo et al., 2015.

международной арене гегемония США и западных стран тоже оказалась серьезно подорванной. Два нефтяных шока были результатом арабо-израильского конфликта и иранской революции соответственно. Революция «красных гвоздик» в Португалии 1974 г. и крах последней колониальной империи, военное поражение США во Вьетнаме 1975 г. и уход из Индокитая, успех китайских экономических реформ в виде кардинального ускорения китайского роста с 1979 г. – все это подорвало позиции социал-демократических партий в западных странах, выступавших за политику сотрудничества с широкими общественными движениями внутри страны и социалистическими странами – на международной арене.

В итоге в западных странах поднялась волна консервативных настроений (1980-е годы – Тэтчер в Великобритании, Рейган в США), рабочее движение ослабло после жестких мер против профессиональных союзов (против забастовок шахтеров в Великобритании и авиадиспетчеров в США), многие социальные программы были демонтированы, налоги, в особенности – на богатых, были снижены, рост общих государственных и социальных расходов замедлился или полностью прекратился, доходное неравенство вновь стало возрастать. Высшие предельные ставки подоходных налогов в США, Великобритании, Германии и Франции, которые превышали 50% в 1940–1980 гг., были существенно снижены (рис. 10).

Падение Берлинской стены (1989 г.) и распад СССР (1991 г.) стали апогеем этого консервативного возрождения; в экономической теории оно сопровождалось подъемом неolibеральных доктрин и контрреволюцией против кейнсианства и экономики развития. Доля капитала в национальном доходе стала возрастать за счет доли труда (см. рис. 9), причем доля доходов получателей ренты (собственников капитала и интеллектуальной собственности) росла быстрее, чем реальная экономика. Профсоюзы и рабочее движение находятся в упадке с 1980-х годов.

Таким образом, контрнаступление капитала последних 30–40 лет явно удалось: стагнация реальной заработной платы, несмотря на рост производительности, рост нормы прибыли и неравенства доходов при довольно высокой безработице и отсутствии организованного социального протеста. Вопрос в том, как долго сможет просуществовать этот новый порядок.

Вместо заключения. Как долго будет расти доходное неравенство?

Зависимость между неравенством и экономическим ростом неоднозначна. С одной стороны, при низком уровне дохода общая норма сбережений, похоже, возрастает при росте неравенства, так как увеличение сбережений богатых превышает сокращение сбережений бедных. С другой стороны, при более высоком уровне дохода этот положительный

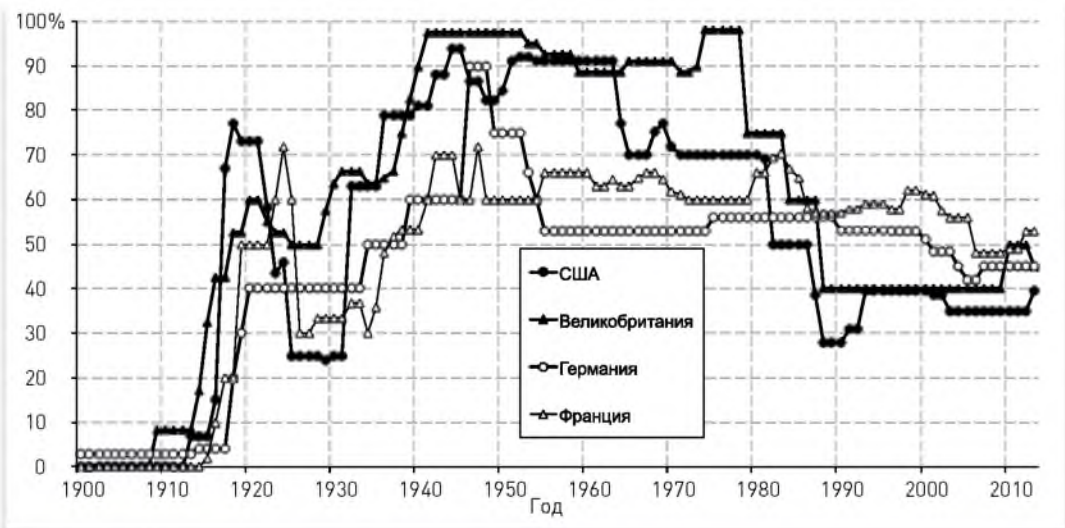

Рис. 10

Высшие ставки подоходных налогов в США, Великобритании, Германии и Франции в период 1900–2010 гг., %

Источник: Piketty, 2014, Technical appendix.

эффект неравенства на сбережения исчезает (Роров, 2014), а многочисленные отрицательные эффекты роста неравенства остаются (рост социальной напряженности, ухудшающей деловой климат). Нерегулируемый рынок ведет к росту неравенства, а неравенство, в свою очередь, ведет к экономической и политической монополии, использующей аппарат государства для предоставления привилегий богатым, что еще больше усиливает неравенство.

В статье (Alesina, Rodrik, 1994) предлагается модель отрицательного воздействия неравенства на экономический рост: избиратели в странах с высоким неравенством требуют высоких налогов, государственных расходов и трансфертов, а большое государство подрывает стимулы роста. Эмпирические исследования, однако, не подтверждают предположения, что государство в странах с высоким неравенством перераспределяет больше средств, чем в странах с низким неравенством.

Напротив, больше подтверждений получает теория государства, контролируемого элитой, в котором выборные лица больше прислушиваются к богатым избирателям и которое (государство) поэтому перераспределяет меньше (Hungerford, 2015). «...Большее неравенство всегда шло рука об руку с крайне высокой концентрацией политической власти, а эта власть всегда использовалась, чтобы увеличить разрыв в доходах через получение ренты, что, как не раз было показано, замедляет экономический рост» (Milanovic, Lindert, Williamson, 2007). Так что механизм хорошо подтверждаемого эмпирически отрицательного воздействия неравенства на рост (Cornia, Martorano, 2012) связан не с чрезмерным налогообложением и перераспределением со стороны государства, но с другими факторами – с ростом социальной поляризации и напряженности.

В последние годы растет число исследований, которые фиксируют негативные последствия неравенства – от увеличения преступности и смертности до снижения качества образования и распространения психических расстройств и ожирения (Wilkinson, Pickett, 2010). Отрицательная зависимость уровня убийств в расчете на 100 000 человек населения от неравенства в распределении доходов видна на рис. 11.

По словам Дж. Стиглица, «общества с высоким неравенством функционируют неэффективно, а их экономики не только в

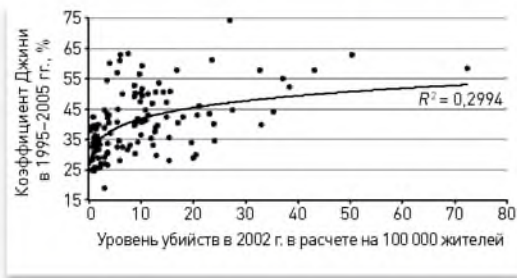

Рис. 11

Уровень убийств в 2002 г. и коэффициент Джини доходного неравенства в 1990–2005 гг.

Источники: по данным WHO⁶, WDI⁷.

долгосрочном плане не обладают ни стабильностью, ни устойчивостью... Когда владельцы крупных состояний используют свою политическую власть, чтобы предоставить чрезмерные льготы корпорациям, которые они контролируют, нужные доходы направляются в карманы немногих вместо того, чтобы приносить пользу всему обществу... Тот факт, что большее неравенство связано с более низким ростом – при контроле на все остальные важные факторы – был подтвержден на материале большого числа стран для длительных периодов времени» (Stiglitz, 2012, p. 83, 117). Латиноамериканские страны, пишет Дж. Стиглиц, возможно, показывают будущее другим государствам, которые только вступают на путь, ведущий к росту неравенства. «Опыт латиноамериканских стран, региона с наивысшим неравенством в мире, показывает, что их ожидает. Во многих странах гражданские конфликты продолжаются в течение десятилетий, они страдают от высокого уровня преступности и социальной нестабильности. Социальной сплоченности просто не существует» (p. 84).

Таким образом, высокое неравенство сопряжено с букетом отрицательных последствий, которые делают общества и страны слабо конкурентоспособными, особенно на высоких стадиях развития. Трудно найти исследователей, считающих, что неравенство может расти неограниченно, большинство, видимо, полагает, что есть критический уровень неравенства, при превышении которого национальные государства погружаются в пучину социальных конфликтов и распадаются. Нам неизвестны страны, в которых коэффициент Джини распределения доходов превышал бы 70%. В 2015 г. более 200 национальных прави-

⁶ World Health Organization Database, <http://www.who.int/nutgrowthdb/database/en/>.

⁷ World Development Indicators Database, <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

тельств мира на сессии Генеральной Ассамблеи ООН приняли «15 Целей устойчивого развития на период 2015–2030 гг.», среди которых и цель сокращения неравенства внутри стран и между странами.

Если рост неравенства внутри стран не удастся предотвратить, существует большая вероятность попадания этих стран в ловушку с плохим (устойчивым) равновесием, которое воспроизводит себя: плохое качество государственных институтов, низкий рост, низкая социальная мобильность и высокая социальная напряженность. Выход из этой ловушки возможен путем постепенных реформ, но если реформы откладываются, то не исключена и социальная революция.

ЛИТЕРАТУРА

- Попов В.В.** (2007). Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период // *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 64–76.
- Alesina A., Rodrik D.** (1994). Distributive Politics and Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 109. No. 2. P. 465–490.
- Blume L.E., Durlauf S.N.** (2015). Capital in the Twenty-First Century: A Review Essay. IHS, Vienna and SFI and University of Wisconsin: Cornell University. May 19.
- Bureau of Labor Statistics (2009). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/File:US_Unemployment_1890-2009.gif, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Coen R.M.** (1973). Labor Force and Unemployment in the 1920s and 1930s: A Re-Examination Based on Postwar Experience // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 55(1). P. 46–55.
- Cornia G.A., Martorano B.** (2012). Development Policies and Income Inequality in Selected Developing Regions, 1980–2010. UNCTAD, No. 210. December.
- Curry B., George K.D.** (1983). Industrial Concentration: A Survey // *The Journal of Industrial Economics*. Vol. 31. No. 3. P. 203–255.
- Dobre I.C.** (2011). Market Concentration and Economic Theory // *Ovidius University Annals, Economic Sciences Series*. Ovidius University of Constantza. Vol. XI. No. 2 (May). P. 350–355.
- Eichengreen B., O'Rourke K.H.** (2009). A Tale of Two Depressions. [Электронный ресурс] 6 April. Режим доступа: <http://www.voxeu.org/index.php?q=node/3421>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Facundo A., Atkinson A.B., Piketty T., Saez E.** (2012). The World Top Incomes Database. [Электронный ресурс] April 25. Режим доступа: <http://g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Facundo A., Atkinson A.B., Piketty T., Saez E.** (2015). The World Top Incomes Database. [Электронный ресурс] April. Режим доступа: <http://g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Foster J.B., McChesney R.W., Jonna R.J.** (2011). Monopoly and Competition in Twenty-First Century Capitalism. [Электронный ресурс] // *Monthly Review*. Vol. 62. Issue 11. Режим доступа: <http://monthlyreview.org/2011/04/01/monopoly-and-competition-in-twenty-first-century-capitalism/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Hungerford T.** (2015). How Income Inequality Affects Government Redistribution: The Median Voter Versus the Elites. [Электронный ресурс] Economic Policy Institute. February 8. Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2562131, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Jaumotte F., Buitron C.O.** (2015). Inequality and Labor Market Institutions. IMF Staff Discussion Note, July.
- Kuznets S.** (1955). Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review*. Vol. 45. P. 1–28.
- Milanovic B.** (2008). Where in the World Are You? Assessing the Importance of Circumstance and Effort in a World of Different Mean Country Incomes and (Almost) No Migration. The World Bank. WPS4493. January.
- Milanovic B.** (2009). Global Inequality Recalculated: The Effect of New 2005 PPP Estimates on Global Inequality. MPRA Paper No. 16538. Munich: University Library of Munich.
- Milanovic B.** (2011). The Haves and Have-Nots: A Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality. N.Y.: Basic Books.
- Milanovic B.** (2012a). Global Income Inequality by the Numbers: In History and Now. An Overview. Policy Research Working Paper. World Bank.
- Milanovic B.** (2012b). Does Economic Inequality Set Limits to EU Expansion? Confer-

ence on Sovereign Insolvency, Opatija, November.

- Milanovic B.** (2014). The Return of "Patrimonial Capitalism". Review of Thomas Piketty's "Capital in the 21st century" // *Journal of Economic Literature*. June. P. 519–534.
- Milanovic B., Lindert P.H., Williamson J.G.** (2007). Measuring Ancient Inequality, World Bank Policy Research Working Paper No. WPS 4412 // *The Economic Journal*. Vol. 121. March. P. 255–272.
- Oxfam (2016). An Economy for 1%. [Электронный ресурс] Oxfam Report. January 18. Режим доступа: <https://www.oxfam.org/en/research/economy-1>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Phillips K.** (2002). Wealth and Democracy: A Political History of the American Rich. N.Y.: Broadway Books.
- Piketty T.** (2014). Capital in the XXI Century. Cambridge: Harvard University Press.
- Pomeranz K.** (2000). The Great Divergence: Europe, China, and the making of the Modern World Economy. Princeton: Princeton University Press.
- Popov V.** (2014). Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West. Oxford: Oxford University Press.
- Romer C.** (1986). Spurious Volatility in Historical Unemployment Data // *The Journal of Political Economy*. Vol. 94(1). P. 1–37.
- Saito O.** (2009). Income Growth and Inequality Over the Very Long Run: England, India and Japan Compared. Paper presented at the First International Symposium of Comparative Research on Major Regional Powers in Eurasia. Sapporo, July 10.
- Soltow L.** (1989). Distribution of Wealth and Income in the United States in 1798. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Stiglitz J.** (2012). The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our future. N.Y.: W.W. Norton & Co.
- Turchin P.** (2013). Return of the oppressed. [Электронный ресурс] // *Aeon Magazine*. 7 February. Режим доступа: <http://www.aeonmagazine.com/living-together/peter-turchin-wealth-poverty/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июль 2016 г.).
- Wilkinson R., Pickett K.** (2010). The Spirit Level. Why Greater Equality makes Societies Stronger. N.Y.: Bloomsbury Press.
- Williamson J.G.** (2009). History Without Evidence: Latin American Inequality since 1491. Georg-August-Universität Göttingen. Discussion paper No. 3.
- REFERENCES (with English translation or transliteration)
- Alesina A., Rodrik D.** (1994). Distributive Politics and Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics* 109, 2, 465–490.
- Blume L.E., Durlauf S.N.** (2015). Capital in the Twenty-First Century: A Review Essay. IHS, Vienna and SFI and University of Wisconsin: Cornell University. May 19.
- Bureau of Labor Statistics (2009). Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/File:US_Unemployment_1890-2009.gif (accessed: July 2016).
- Coen R.M.** (1973). Labor Force and Unemployment in the 1920s and 1930s: A Re-Examination Based on Postwar Experience. *The Review of Economics and Statistics* 55(1), 46–55.
- Cornia G.A., Martorano B.** (2012). Development Policies and Income Inequality in Selected Developing Regions, 1980–2010. UNCTAD. No. 210. December.
- Curry B., George K.D.** (1983). Industrial Concentration: A Survey. *The Journal of Industrial Economics* 31, 3, 203–255.
- Dobre I.C.** (2011). Market Concentration and Economic Theory. *Ovidius University Annals. Economic Sciences Series. Ovidius University of Constantza* XI, 2, 350–355.
- Eichengreen B., O'Rourke K.H.** (2009). A Tale of Two Depressions. 6 April. Available at: <http://www.voxeu.org/index.php?q=node/3421> (accessed: July 2016).
- Facundo A., Atkinson A.B., Piketty T., Saez E.** (2012). The World Top Incomes Database. April 25. Available at: <http://g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes> (accessed: July 2016).
- Facundo A., Atkinson A.B., Piketty T., Saez E.** (2015). The World Top Incomes Database. April. Режим доступа: <http://g-mond.parisschoolofeconomics.eu/topincomes>.
- Foster J.B., McChesney R.W., Jonna R.J.** (2011). Monopoly and Competition in Twenty-First Century Capitalism. *Monthly Review* 62, 11. Available at: <http://monthlyreview.org/2011/04/01/monopoly-and-competition-in-twenty-first-century-capitalism/> (accessed: July 2016).
- Hungerford T.** (2015). How Income Inequality Affects Government Redistribution: The Median Voter Versus the Elites. Economic Policy Institute. February 8. Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2562131.
- Jaumotte F., Buitron C.O.** (2015). Inequality and Labor Market Institutions. IMF Staff Discussion Note. July.

Поступила в редакцию 3 июня 2015 года

- Kuznets S.** (1955). Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review* 45, 1–28.
- Milanovic B.** (2008). Where in the World Are You? Assessing the Importance of Circumstance and Effort in a World of Different Mean Country Incomes and (Almost) No Migration. The World Bank. WPS4493. January.
- Milanovic B.** (2009). Global Inequality Recalculated: The Effect of New 2005 PPP Estimates on Global Inequality. MPRA Paper No. 16538. Munich: University Library of Munich.
- Milanovic B.** (2011). The Haves and Have-Nots: A Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality. N.Y.: Basic Books.
- Milanovic B.** (2012a). Global Income Inequality by the Numbers: In History and Now. An Overview. Policy Research Working Paper. World Bank.
- Milanovic B.** (2012b). Does Economic Inequality Set Limits to EU Expansion? Conference on Sovereign Insolvency, Opatija. November.
- Milanovic B.** (2014). The Return of “Patrimonial Capitalism”. Review of Thomas Piketty’s “Capital in the 21st century”. *Journal of Economic Literature* June, 519–534.
- Milanovic B., Lindert P.H., Williamson J.G.** (2007). Measuring Ancient Inequality, World Bank Policy Research Working Paper No. WPS 4412. *The Economic Journal* 121, March, 255–272.
- Oxfam (2016). An Economy for 1%. Oxfam Report. January 18. Available at: <https://www.oxfam.org/en/research/economy-1> (accessed: July 2016).
- Phillips K.** (2002). Wealth and Democracy: A Political History of the American Rich. N.Y.: Broadway Books.
- Piketty T.** (2014). Capital in the XXI Century. Cambridge: Harvard University Press.
- Pomeranz K.** (2000). The Great Divergence: Europe, China, and the making of the Modern World Economy. Princeton: Princeton University Press.
- Popov V.** (2014). Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West. Oxford: Oxford University Press.
- Popov V.V.** (2007). Why Growth Rates of Soviet Economy Were Falling Down During Brezhnev Period. *Debates on Politics and Culture* 2, 64–76 (in Russian).
- Saito O.** (2009). Income Growth and Inequality Over the Very Long Run: England, India and Japan Compared. Paper presented at the First International Symposium of Comparative Research on Major Regional Powers in Eurasia, Sapporo, July 10.
- Soltow L.** (1989). Distribution of Wealth and Income in the United States in 1798. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Stiglitz J.** (2012). The Price of Inequality: How Today’s Divided Society Endangers our future. N.Y.: W.W. Norton & Co.
- Turchin P.** (2013). Return of the oppressed. *Aeon Magazine* 7 February. Available at: <http://www.aeonmagazine.com/living-together/peter-turchin-wealth-poverty/>.
- Wilkinson R., Pickett K.** (2010). The Spirit Level. Why Greater Equality makes Societies Stronger. N.Y.: Bloomsbury Press.
- Williamson J.G.** (2009). History Without Evidence: Latin American Inequality since 1491. Georg-August-Universität Göttingen. Discussion paper No. 3.

Received 3 June 2015

K.S. Jomo

Institute of Strategic and International Studies, Kuala Lumpur, Malaysia

V.V. Popov

Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Long-Term Trends in Income Distribution

Abstract. Income and wealth inequalities in most countries – in the West, the former communist economies and in many developing states – have been growing in the last three decades. Inequalities in the late XIX century were much higher than before the rise of workers’ movements in the West and the 1917 Bolshevik Revolution, the strong inequalities of the previous century declined for over half a century until the 1980s as the threat of communism spreading inspired welfare redistributive reforms, giving capitalism ‘a more human face’. But these checks and balances have greatly weakened in recent decades, especially after the fall of the Berlin Wall, and the growth of inequalities resumed in most developed and many developing countries with some notable exceptions (Latin America). This article discusses long term past and possible future trends in inequality. High inequalities are associated with an

array of negative consequences, which lower the competitiveness of societies and countries, especially at higher stages of development. Inequalities cannot grow endlessly, there is probably a critical level of inequality, and if it is exceeded, national states descend into turmoil of social conflicts and fall apart. If the growth of income inequalities continues, then countries can get into the bad stable equilibrium trap that reproduces itself: poor quality of state institutions, low growth, low social mobility, high social tensions. Gradual reforms could help overcoming the trap, but if they are delayed, the further growth of inequalities could lead to social revolution.

Keywords: *income and wealth inequalities, communism, capitalism, welfare state, share of labour and capital in national income.*

JEL Classification: F02, F63, I30, J31, N00.

Л.М. Григорьев

Аналитический центр при Правительстве РФ, НИУ ВШЭ, Москва

Журнал НЭА,
№3 (31), 2016,
с. 160–170

Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций

Аннотация. Смысл понятия «неравенство» отличается в разные периоды развития экономики, при различных политических режимах, в разных по структуре обществах. Данный термин в настоящее время используется широко, особенно в политической риторике, и почти всегда при этом подразумевается распределение личных доходов. Неравномерное распределение доходов неизбежно ограничивает возможности экономического роста страны. Характер распределения богатства между гражданами определяет неравенство доходов и становится причиной сохранения и поддержания неравенства по доходам во времени. Колебания доходов от прибылей, акций, рент в период кризисов может временно снижать неравенство, но периоды процветания естественным образом усиливают неравенство доходов. Социальное неравенство серьезно влияет на экономический рост и социальную стабильность в стране, но при значительном росте уровней доходов и потребления у бедных слоев населения в XX–XXI вв. неравенство само по себе может и не стать причиной социальных потрясений. Россия в период трансформации перешла от квазиэгалитарного общества (по параметрам неравенства) в общество, схожее со странами Латинской Америки.

Ключевые слова: *рост и неравенство, неравенство по богатству, неравенство по доходам.*

Классификация JEL: D63.

1. Комментарий по истории неравенства

Проблема неравенства в современном мире стала модной после выхода работ Джозефа Стиглица (Stiglitz, 2012), Тома Пикетти (Piketty, 2014, 2015), Энтони Аткинсона (Atkinson, 2015) и др. Мы, со своей стороны, начали работу исследования в данной области в связи с необходимостью дать для студентов более полную картину современного мира, включая такую важную его характеристику, как социальное неравенство. Мы презентовали результаты анализа в нашем выступлении на конференции Международной ассоциации политических наук в Сан-Пауло в 2011 г. (Grigoriev, Salmina, 2011). Первые же результаты исследования показали неожиданно большие (с точки зрения экономиста) социальные различия между слоями общества, измеренные по децильным

группам доходов, причем первые же сравнения показали, что в России и Аргентине схожие децильные распределения. Так что наша страна за 1990-е годы сделала шаг из квазиэгалитарного общества в латиноамериканское (неевропейское) по данному параметру.

В данной дискуссии мы намерены обратиться к трем основным проблемам в данной области: причинам неравенства доходов; вопросам оценки степени неравенства, в частности – количественным; значению этой проблемы в жизни общества и, соответственно, в формировании социальной политики. Ограниченный размер публикации не дает возможности провести здесь подробный статистический анализ. Но многие факты уже известны и поддаются различным интерпретациям, в частности, такая интерпретация дана в нашей статье (Григорьев, Салмина 2013)